

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Наталья РУМЯНЦЕВА

Арена - 1992 - 13 мая - 26
1217-18)

КАК КАРАНДАШ ДОБИРАЛСЯ В СИБИРЬ

Октябрь 41-го. Немцы под Москвой. Утром Карандашу позвонили и немедленно вызвали в Комитет по делам искусств. По коридорам Комитета сновали люди, выносили ящики, сейфы, запакованные коробки. Заканчивалась эвакуация. Когда Карандаш вошел, Храпченко, председатель Комитета, стоял за столом и сразу перешел к делу:

- Сегодня вечером идет эшелон от Комитета. Поедете с ним. Где семья?

- Семья в Омске.

- Значит, одно место. Вас посадят. Поедете в Омск.

- Но у меня еще собака.

- Никаких собак.

- Но это мой партнер.

- Собаку - за хвост и голову об стенку! Карандаш молча ушел.

Позже позвонила секретарша Храпченко.

- Вам оставлено место в вагоне.

- Без собаки я не поеду. У меня есть другой способ поехать вместе с ней.

Ночью он собрался в дорогу. Взял саночки, сложил на них самое необходимое - свои дневниковые записи, кое-что из еды, две бутылки водки и одеяло (начались холода и собаку надо будет во что-то заворачивать).

Рано утром они с Пушком закрыли на ключ квартиру, вышли из дома и отправились пешком в Сибирь. Сначала на Ярославский вокзал, потом вдоль железной дороги - вдруг повезет и кто-нибудь посадит. Шли долго, почти до Александрова,

это около ста километров. На забытых путях стояли вагоны московского метро, их перегоняли на восток. Машинисты узнали Карандаша.

- Разве вас не отправили поездом? Вы куда, в Омск, пешком?!.. Садитесь, подвезем, пока по дороге.

Вагоны метрополитена ехали в Курган. В Кургане он сошел. Опять искал, нет ли поезда, на который его согласятся взять. Наконец, нашел целый состав паровозов, которые гнали в Сибирь. Холод был страшный. Пушок был завернут в одеяло, и Карандаш согревался, держа его в руках. Он был без перчаток, потому что никогда их не носил, в легких туфлях (теплых сапог у него просто не было) и в демисезонном пальто. Он одевался легко, потому что не мерз, но кто же мог представить, что в этом пальтишке придется ехать в Сибирь в неотапливаемом вагоне с черепашьей скоростью.

Машинисты паровозов тоже узнали клоуна. Взяли его на один из паровозов, хотя и не так бескорыстно как метрополитеновцы. Вот тут и пригодились две бутылки водки. Кроме того, он должен был помогать кочегару. Но за это мог раз в день поесть вместе с машинистами на очередной станции, где их кормили. Водка кончилась, и они подумывали, не посадить ли пассажира. Но деньги у него еще были, а машинисты в свободное время сидели играли в карты. Клоун знал несколько несложных уловок, при помощи которых можно выиграть. Он выигрывал. Они сер-

дились, хотели его посадить. Но было еще разумное желание отыграться. И клоун играл в поддавки, чередуя выигрыши и проигрыши так, чтобы растянуть эту процедуру как можно дольше. Тем временем они уже ехали в Сибирь. Ему удалось доехать до пригорода Омска. В общей сложности он добирался 35 дней.

В Омске вечером было минус пятьдесят два. Совершенно ооченев, он дошел по путям с Пушком на руках до вокзала, и, волоча свои саночки. Из кабинета начальника вокзала сумел позвонить в цирк, попросил, чтобы его встретили.

А в цирке шло представление. Эмиль Кио сидел в кабинете директора Кабищера, когда раздался звонок. Карандаша не ждали. Они давно звонили из Омска в Москву, там ответили, что он уехал в Омск, неизвестно каким поездом. Прошло больше месяца. И все понимали, что могло случиться всякое. Кио начал заботиться о его семье, взял на работу в свой аттракцион жену клоуна, чтобы была рабочая карточка. Кабищера со своей стороны говорил - живите здесь в общежитии, пока не сможете вернуться домой. И вдруг звонок с вокзала.

- Проверь, он это или не он.

- Карандаш, - сказал Кио, - как зовут мою жену?

- Коша, - сказал Карандаш.

- А сына?

- Эмильчик.

В гуле вокзала голос было трудно узнать.

- Сейчас приедем, - сказал Кио и повесил трубку. - Вроде он. Надо сказать Тамаре.

- Тамара, - не обнадеживая зря, сказал Кабищера, - тут кто-то звонил с вокзала, говорит, что Карандаш. Надо съездить, проверить.

Разыскали извозчика, запрягли дровни, кинули два тулупа с собой.

В зале ожидания Карандаша не было, на площади тоже. На путях - нет. Начальник вокзала ничего не помнил: кто-то звонил, а кто - в шуме и гаме, он не разобрал. Сбегали на товарную. Никого. Вернулись к цирку уже ночью. В их комнате в общежитии горел свет. За столом сидел Карандаш и пил чай, крепко держа чашку застывшими руками.

Услышал голоса Кио и Кабищера по телефону, и ждать стало совсем невозможно:

- Что, Пушок, если уж мы из Москвы до Омска добрались, что ж нам с вокзала до цирка не добраться?

От вокзала до цирка тащился старенький трамвай. Ночью в пятидесятиградусный мороз в трамвае без окон было совсем невыносимо. Но наконец, цирк. В кабинете Кабищера горел свет: там ждали. Кабищера ахнул, когда увидел угольно-черного от паровозной копоти человека в демисезонном пальто, без перчаток, с собакой на руках.

- Миша! Не может быть!..

- Почему не может? Может!..

- Тебя поехали встречать на вокзал.

- А мы решили не ждать!..